

УДК 070+82.09-1

DOI: 10.26456/vtfilol/2025.3.135

КРЕСТЬЯНСКИЙ ВОПРОС И ПРОБЛЕМА НАРОДОВЛАСТИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ Г.З. ЕЛИСЕЕВА КОНЦА 1860–1870-х гг.

С. М. Пинаев

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, г. Москва

Г.З. Елисеев, выдающийся публицист 1860–1870-х годов XIX века, сподвижник Н.Г. Чернышевского и Н.А. Некрасова, сотрудник и редактор «Искры», «Современника» и «Отечественных записок», отстаивая свои идейно-нравственные позиции, никогда не шёл на компромисс с «расхожей» или «официальной» точкой зрения на вопросы общественного бытия. Будучи ведущим публицистом «Отечественных записок», Елисеев стремился осмыслить сложные и противоречивые процессы, которые происходили в политической жизни пореформенной России, дать оценку социально-экономическим переменам. С этой целью он использовал жанр «внутреннего обозрения», а также – развёрнутую публицистическую статью. В своих работах Елисеев постоянно проявлял интерес к судьбе народа, выступал с критикой существующей системы государственного управления. К числу наиболее ярких, программных публикаций относятся следующие: «Крестьянский вопрос», «Производительные силы России» (1868), «Теория социального вопроса», «Плутократия и её основы» (1872), «Крестьянская реформа» (1874).

Ключевые слова: «Отечественные записки», публицистика, обозрение, народ, крестьянский вопрос, плутократия.

Положение крестьянства в стране издавна вызывало душевные волнения публициста. Он задумывался по поводу реформы 1861 г., старался осмыслить её плюсы и минусы. Крепостное право, по мнению Елисеева, «лежало поперёк всего нашего развития...». И вот, наконец, мы свалили с себя «этот гнёт»; с крестьянской реформой, отмечает критик в статье «Крестьянский вопрос», проявились «лучшие начинания настоящего – городское и земское самоуправление, гласные суды, свободная пресса и т. п. С нею связаны все наши лучшие надежды в будущем» [5, с. 152].

Елисеев при этом подчёркивает особую роль правительства и дворянства в процессе проведения реформы, оставляя как бы в тени деятельность представителей революционно-демократического лагеря. «Все мы знаем, – писал Елисеев, – что дело освобождения крестьян было у нас делом не правительства только, но вместе и русского дворянства. По приглашению правительства дворянство единодушно и со всею готовностью согласилось предоставить крестьянам за известный выкуп поземельные

© Пинаев С. М., 2025

наделы в их собственность. Со стороны русского дворянства была здесь свободная, благородная патриотическая жертва» [Там же, с. 153].

Действительно, дело освобождения крестьян было инициировано «сверху». Но уподобление действия правящих кругов принесению некой «благородной патриотической жертвы», как надо полагать, крестьянству, представляется явным перегибом. Возможно, критик-публицист вместе с редакцией в начальный период существования нового журнала проявлял некоторую осторожность в суждениях?.. Однако этой же точки зрения писатель придерживался и шесть лет спустя, когда положение журнала значительно упрочилось. В статье «Крестьянская реформа» Елисеев с сочувствием упоминает «прямодушного» Николая I, который «первым из наших государей обратил деятельное и заботливое внимание на бедственное положение... крестьян». Ну а сами члены редакционных комиссий, готовившие реформу, оказывается, «были люди умные, честные, воодушевлённые самой искренней любовью к народу, старавшиеся изо всех сил о том, чтобы вопрос о наделах разрешить к общему удовольствию» [4, с. 160].

Как относиться к подобным «наивным» суждениям? Некоторые исследователи видят в них попытку обмануть цензуру, приукрасив роль правительства и дворянства в осуществлении реформы; другие усматривают здесь политические заблуждения писателя; можно говорить о его искреннем желании видеть в деятельности правящих кругов некие благие намерения, которые хотя бы частично, но осуществились. Так или иначе, Елисеев в конце 1860-х – начале 1870-х годов был действительно далёк от того чёткого понимания социально-нравственной природы русского самодержавия, которое было свойственно, например, Чернышевскому.

Однако, признавая положительное в целом значение реформы и, возможно, переоценивая роль правящих кругов в её проведении, Елисеев весьма негативно оценивал её практическое значение, её реальное влияние на жизнь крестьянства. Критик-публицист не мог не замечать тягостных пережитков крепостничества в общественном бытии. Поэтому и писал он в своих статьях о массовом разорении и крайней нищете крестьянства, о помещичьем гнёте и чиновничье-административном произволе.

В январе 1869 г. в «Современном обозрении» «Отечественных записок» Елисеев помещает статью «Когда блаженствовал русский мужик и когда начались его бедствия». Публицист с болью в сердце говорит о «жалких и полуразорённых современных новгородских крестьянах», «прямых потомках великого новгородского племени...» Куда же девались сила и богатство великого Новгорода? От всего этого не осталось и следа. В наследство современности остался «обнищавший полуголодный, отупевший мужик... Тысячелетняя история обобрала его кругом, не пощадив даже его смысла» [3, с. 1–2].

Но ведь «то же самое, что совершилось с новгородским крестьянством, совершилось в больших или меньших размерах с крестьянством всех наших губерний и областей, – утверждает Елисеев. – Куда бы вы ни обратились в глушь нашего сельского народонаселения, вы везде найдёте ту же бедность, то же полуголодное существование, то же отупение» [Там же, с. 2]. Что же привело «к разрушению их благосостояния»? Критик говорит о враждебности «современной цивилизации» по отношению к крестьянству на протяжении огромного исторического периода. Разумеется, речь идёт и об изъянах самого общественного строя, и – негативных последствиях политики правящих классов применительно к этому сословию.

В статье «Крестьянская реформа» Елисеев сопоставляет европейский и российский способы радикальных изменений в обществе. Имеются в виду Великая французская буржуазная революция конца XVIII века и отмена крепостного права в России. По мнению публициста, «французский» революционный способ оказался более радикальным и привёл к более ощутимым результатам, по сравнению с «российскими» «мирными» действиями: «В Европе вместе с уничтожением крепостного права началось новое государство, в основание которого положены свобода и равенство личности; у нас с уничтожением крепостного права никаких перемен не произошло, остались те же состояния, что и были... Политические права привилегированного класса остались те же самые, что и были; что касается до простого народа, то он по освобождении, хотя не лишён отчасти некоторых из этих прав, но в действительности по невежеству своему ими пользоваться мало может... он даже в своём непосредственном управлении поставлен под опеку особых чиновников из дворян, имеющих решительное влияние на все его дела» [4, с. 143–144].

Не будем здесь комментировать события французской истории, определять то, чем обернулись для французов провозглашённые революцией «свобода и равенство личности» в «новом государстве». Что же касается положения дел в России, то в этом отношении критик совершенно прав и убедителен: общественно-политических полномочий крестьяне не получили; их экономическое состояние стало катастрофическим, поскольку они оказались в кабальных условиях выкупа собственной же земли. Ведь вся «система выкупной операции, – как считает Елисеев, – идёт вразрез с принципом освобождения. Вместо того, чтобы облегчить и ускорить процесс освобождения крестьян, она до того затруднила и запутала его, что образовала собой новый вид закрепощения» [Там же, с. 145].

Эту же тему критик-публицист ещё более резко и категорично развивает в статье «Плутократия и её основы». По его глубокому убеждению, реформа не только не улучшила материально-экономическое положение русского крестьянства, но фактически разорила его. К прежним формам эксплуатации народа прибавились новые формы его ограбления. Речь, в

первую очередь, идёт об образовании и развитии плутократии, эксплуататорская практика которой была не менее страшной и губительной для народа, чем прежние барщина и оброк. Плутократия, как считает Елисеев, не представляет собой «отдельного класса общества; она набирает своих членов из всех слоёв общества; сюда входят все одарённые хищными талантами натуры, к какому бы они сословию ни принадлежали, и дворяне, и чиновники, и купцы, и т. д. Общая цель их – награбление капиталов» [7, с. 223–224].

Констатируя тот факт, что всем этим плутократам-«грабителям» очень «понравились новые порядки», при которых им живётся «весело и спокойно», «народник», «крестьянский демократ» Г.З. Елисеев, по сути дела говорит о наступлении капиталистической фазы в истории России. Он одним из первых обратил внимание на тотальное проникновение капиталистических, плутократических принципов не только в экономическую область жизни, но и в общественные отношения, а также – в идеологическую сферу. Болезнь под названием «жадность к деньгам» присуща не только капиталистам-предпринимателям. Она заразила и представителей либеральной интеллигенции, и тех, кого ещё недавно «титумовали» «названием новых людей».

Сравнивая представителей нового, капиталистического, класса в России с западным буржуазным сословием, Елисеев вновь несколько идеализирует последнее, преувеличивает его роль в истории Европы. По его представлениям, русская плутократия являет собой чудовищно-уродливую помесь «хорошего», «энергичного», «честного» европейского буржуа с развращённым, деградирующим русским барством. Она произрастает из русской социальной почвы, обильно «унавоженной крепостническими пережитками».

Если «древняя», здоровая европейская буржуазия, разрушив феодальный строй, построила новый на иных началах, то «грунтовый слой» русской плутократии, по мнению критика, другой: «Во главе русского привилегированного общества стояло всегда дворянство. Наша буржуазия, т. е купечество, составившее новый элемент в привилегированном классе, выходила из дворовых или крепостных крестьян разного наименования, была вообще невежественна, приобретала богатство не знанием и честностью, а эксплуатацией мелких промышленников всегда из своего брата крестьянина, не пренебрегая обыкновенно даже грубым обманом, как обмером, обвесом и т. п. Само собой разумеется, что она не способна была дать обществу какого-нибудь нового, самобытного, лучшего образа жизни» [6, с. 306].

Как видим, русскую «буржуазию», в отличие от европейской, Елисеев совсем не жалуется. «Деловую» манеру русского буржуа он сравнивает с повадками волка, который не уступает ему «в уме». Да и «в душе» он та-

кой же завзятый собственник. Короче говоря, современный буржуа-плутократ – расчётливый агрессор-одиночка, но, по необходимости, добивается своей цели, действуя «в стае». «Деловые», «капиталистические» отношения, проникли, как свидетельствует Елисеев, и в журналистику, утратившую былую «партийность», характерную для 60-х годов и ставшую, по существу, «органом плутократии». Теперь неотъемлемыми особенностями либеральной, то есть буржуазной по своей природе печати, являются антинародность, корыстный расчёт, аморальность и пошлость, прикрытые цветистыми фразами о демократии, любви к народу, свободе и справедливости.

Как бы то ни было, автор статьи «Плутократия и её основы» даёт весьма красноречивую характеристику своего времени, приводит довольно язвительную оценку современной прессы. Впрочем, здесь не трудно почувствовать и прозорливое проникновение в будущее страны. Пройдёт сто двадцать лет, и в Россию, в 90-е годы XX века, придёт то, что получит название «семибанкирщина», и многие органы СМИ превратятся в «органы плутократии».

Так или иначе, Елисеев не приемлет новые веяния в общественной жизни. Критик-мыслитель понимает, что капиталистические отношения проникают в экономическую, политическую, идеологическую сферы жизни, что они враждебны коренным интересам народных масс. Он задумывается над европейским вековым господством буржуазии, принесшим трудящемуся люду неисчислимые страдания. Кстати сказать, разобраться в сущности европейского капитализма критику помогли труды К. Маркса, которого русский социалист считал «даровитейшим и честнейшим из современных политэкономов». Однако может ли Россия избежать «печального» опыта западных стран и народов?..

Елисеева несколько обнадеживает тот факт, что русская действительность не представляет собой такой уж благоприятной почвы для развития капитализма. В России, по его мнению, исторически сложились специфические формы общинного землевладения и «мирского», то есть народного самоуправления. Правда, всё это уже осталось в прошлом, но демократ-утопист не придаёт этому решающего значения. К тому же, он, опять же по наивности, убеждён в несовместимости эгоистических устремлений плутократии с интересами «общества», а стало быть – и государства. «Мы должны благодарить бога, что Россия не находится пока в таком печальном положении...», как европейские страны, – заявляет бывший профессор церковной и гражданской истории Елисеев в статье «Плутократия и её основы». – <...> Новые хозяйственные образования и формы находятся ещё в зародыше, так что благоразумное регулирование и направление экономических дел поведёт... к правильному развитию народного хозяйства на прочном справедливом основании; наконец,

у нас нет легально господствующего имущественного класса, который мог бы препятствовать государству в его начинаниях для блага общего» [7, с. 223].

Да, конечно, развитие промышленности необходимо для процветания государства, но... какой промышленности? Промышленности местной, «крестьянской» и, чтобы обязательно, – настаивает Елисеев в статье «Производительные силы России», – под пристальным контролем «широкого, прочного, твёрдо обеспеченного местного самоуправления, которое бы давало возможность вполне свободно и безопасно размещаться всюду знанию, капиталу, труду...» [9, с. 486].

Таким образом, «производительные силы России», по мнению критика-публициста, составляют не фермеры-одиночки, не фабричные или заводские рабочие, оторванные от земли и не связанные с народным «миром», а крестьяне-труженики, члены социалистического сообщества, равные между собой по имущественному положению, занятиям и обычаям. Крестьянская община, как явствует из «Современного обозрения» за июнь 1875 г., представляется демократу-утописту своеобразной «крепостью», неприступной для всякого рода плутократических агрессий.

Впрочем, и сам автор социального проекта понимал, что его теоретические построения расходятся с жизненной практикой, что внутри общины-крепости действуют силы, разрушающие мыслимую гармонию, что «антиобщинные» настроения «имеют твёрдое основание в чувствах мужика», и причина этому – недостаток земли, её частые переделы. Он снова и снова задумывается о том, что может стать «психически-социальной основой крестьянского быта». Всего через несколько месяцев после славословия в честь крепости-общины публицист выдвигает новый проект («Современное обозрение» за ноябрь 1875 г.) Он предлагает «вместо переделов земли переделы добываемого общим трудом на своей земле продукта», то есть преобразование крестьянской общины в земледельческую артель. Увы, и этот теоретический вариант представлялся весьма эфемерным, оторванным от жизни.

Так или иначе, мысли Елисеева были обусловлены заботой о положении крестьянства. В бедах крестьянского сословия, представляющего собой, по мнению публициста, основу государства, он обвиняет представителей консервативного дворянства, выступавших против «курса реформ», мечтавших о возвращении крепостничества, «вотчинно-помещичьей» формы общественного устройства, а также – набравшую силу плутократию, использующую плоды реформ в своих узко корыстных целях. Однако надежду на обуздание этих противных народу сил Елисеев наивно возлагал на «справедливое» правительство, «наших государственных акушеров», которые, единственные, в состоянии отвести «новорождающееся русское общество... от ложного пути капиталистической продук-

ции», «господства капитала, захвата власти имущественными классами», а стало быть – и классовой (у Елисеева – «классной») борьбы [7, с. 223]. Другими словами – избежать судьбы, постигшей Европу.

Само же «государство» Елисеев представляет в идеале как своего рода надклассовую «организацию экономического и политического общества равноправных граждан», государственную власть – как «всеобщее культурное средство» урегулирования социально-экономических и политических проблем. Только государственная власть, как отмечал Елисеев в статье «Теория социального вопроса», может «отыскать и такие формы права, которые воспрепятствовали бы народному хозяйству развиваться в направлении, порождающем несвободу и неравенство» [10, с. 58].

Какой же должна быть в идеале государственная власть? Разумеется, примером здесь не могут служить буржуазные государства Европы, в которых палаты парламентов учреждены господствующими классами с целью «парализовать верховную власть настолько, насколько им нужно для того, чтобы по произволу хозяйничать в народе». Ведь в европейских парламентах правят бал в качестве «представителей народа» «крупные землевладельцы, крупные капиталисты, фабриканты, банкиры, одним словом – крупные собственники и аферисты всех сортов и видов» [2, с. 293]. Все европейские конституции, как полагает Елисеев, основаны «исключительно на имущественном цензе», а потому «вместе с конституцией начинается постепенное обезземеливание... и народ конституционными актами быстро выпускается в трубу» [Там же, с. 293–294].

Не приемля властные структуры буржуазного общества, Елисеев отвергает и революционные программы европейских коммунистов, сводящиеся к разрушению старого сословного государства «до последнего остатка и созданию совершенно нового политического тела». Революции, как отмечает критик-публицист в статье «Теория социального вопроса», способны решить вопрос политический, но не экономический. К тому же непонятно, как при этом «может быть сохранена уже достигнутая высота культурных приобретений» [10, с. 48, 50, 57]. Порядок в этом вопросе возможно навести только «законным и мирным путём» при содействии общества, которое Елисеев уподобляет винту, с помощью которого надлежит «такую великую машину, как государство, привести в движение и заставить её действовать в известном направлении» [10, с. 64].

Идеальной формой государственного устройства Елисеев считает русское «домонгольское земство», в котором представлен весь народ без разделения его на сословия, при условии политического равенства, с выборной верховной властью: «Земство выражает свою волю на вече по всем делам, требующим его рассмотрения. Плебисцитами, которые даёт здесь народ, устанавливается конституция княжества, исправляется, заменяется, если нужно, другою, избирается князь, определяются права

его, заключаются условия с ним, он судится, изгоняется, избирается другой и т. д. Нет тут никаких ни пэров, ни лордов, ни верхней палаты, ни нижней, а есть один целый верховный народ» [8, с. 313].

Но как трансформировать эту гармоничную, с точки зрения мечтателя-публициста, политическую структуру в современность, Елисеев не поясняет. Для него как «кровного» крестьянского демократа, важна сама идея народовластия, противостоящая буржуазному «обманному» парламентаризму и «просвещённому деспотизму» русского самодержавия. Оно, по мнению критика, прогнило и не в состоянии играть конструктивную роль в развитии общества. Остаётся надеяться на стихийную «силу вещей», которая как-то, сама собой выведет человеческое сообщество на новые рубежи. Она, эта стихийная сила, будет проявляться во всём: в эпидемиях, неурожаях, кражах, разбоях, а главное – в недовольстве народных масс своим положением и угрозе крестьянского восстания. Это будут «такие веские и чувствительные удары как в разных частях народного хозяйства, так и в бытовом строе жизни, что разумный человек должен будет немедленно сознать своё бессилие, бесплодность и вред дальнейшего упорства в борьбе и уступить» [1, с. 278].

Таковы были критические суждения и утопические взгляды на жизнь публициста-демократа, главной заботой которого было «поставить на ноги мужика», стремление улучшить положение крестьянства, спасти его, по возможности, от капиталистического разбоя, учиняемого новоявленными «деруновыми», уберечь от полного разорения.

Список литературы

1. Елисеев, Г. З. Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1875. № 10. Отд. II.
2. Елисеев, Г. З. Внутреннее обозрение // Отечественные записки. 1877. № 2. Отд. II.
3. Елисеев, Г. З. Когда благодетельствовал русский мужик и когда начались его бедствия // Отечественные записки. 1869. № 1. Отд. II.
4. Елисеев, Г. З. Крестьянская реформа // Отечественные записки. 1874. № 1.
5. Елисеев, Г. З. Крестьянский вопрос // Отечественные записки. 1868. № 3.
6. Елисеев, Г. З. Плутократические стремления в современной молодёжи // Отечественные записки. 1875. № 4. Отд. II.
7. Елисеев, Г. З. Плутократия и её основы // Отечественные записки. 1872. № 2. Отд. II.
8. Елисеев, Г. З. Политика Наполеона внешняя и внутренняя // Отечественные записки. 1873. № 2. Отд. II.
9. Елисеев, Г. З. Производительные силы России // Отечественные записки. 1868. № 2. Отд. II.
10. Елисеев, Г. З. Теория социального вопроса // Отечественные записки. 1872. № 1.

**THE PEASANT QUESTION AND THE PROBLEM
OF DEMOCRACY IN THE PUBLICISM
OF G.Z. ELISEEV IN THE LATE 1860S AND 1870S**

S. M. Pinaev

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba, Moscow

G.Z. Yeliseyev, an outstanding publicist of the 1860s and 1870s, an associate of N.G. Chernyshevsky and N.A. Nekrasov, and a contributor and editor of *Iskra*, *Sovremennik*, and *Otechestvennye Zapiski*, never compromised his ideological and moral positions with the "common" or "official" view of social issues. As a leading publicist for *Otechestvennye Zapiski*, Yeliseyev sought to comprehend the complex and contradictory processes that were taking place in the political life of post-reform Russia, as well as to assess the socio-economic changes. To this end, he employed the genre of "internal review" and wrote extensive publicist articles. Throughout his works, Yeliseyev consistently expressed his concern for the fate of the people and criticized the existing system of government. Among the most notable and programmatic publications are the following: "The Peasant Question", "The Productive Forces of Russia" (1868), "The Theory of the Social Question", "Plutocracy and Its Foundations" (1872) and "The Peasant Question".

Keywords: "Domestic Notes", journalism, review, people, peasant question, plutocracy.

Об авторе:

ПИНАЕВ Сергей Михайлович – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Российского университета дружбы народов (117198 г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6) e-mail: serpinaev@mail.ru.

About the author:

PINAEV Sergey Mikhaylovich – Doctor of Philology, Professor at the Department of Russian and Foreign Literature, Peoples' Friendship University of Russia (117198 Moscow, Miklukho-Maklay str., 6), e-mail: serpinaev@mail.ru.

Дата поступления рукописи в редакцию: 30.06.2025 г.

Дата подписания в печать: 15.09.2025 г.